

Первухин Николай Григорьевич

**Эскизы преданий и быта
иностранцев Глазовского уезда**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Григорьевич П.**
Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда / Первухин Николай
Григорьевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 86 с.

ISBN 978-5-521-27550-2

ISBN 978-5-521-27550-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВОТСКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

Удмортъ уалляна-мадьесъ.

а) Легенды о богахъ и полубогахъ.

1. Сотвореніе человѣка.

Инмаръ задумалъ сотворить человѣка и вытѣпилъ изъ земли его тѣло, послѣ чего долженъ былъ идти на небо за душою. Между тѣмъ у Инмара былъ врагъ, Шайтанъ, завидовавшій всякому произведенію Инмара, потому что всѣ они были хороши, и стараншійся всѣхъ ихъ какъ-нибудь испортить. Предвидя похищеніе Шайтана испортить и тѣло человѣка, Инмаръ поставилъ стеречь его собаку, которая въ то время еще не имѣла на себѣ шерсти... Какъ только Инмаръ ушелъ на небо, — сейчасъ же, дѣйствительно, явился Шайтанъ и кинулся было, чтобы разломать на куски, сдѣланную Инмаромъ куклу, но собака въ свою очередь кинулась на Шайтана и не подпустила его. Какъ онъ ни упрасивалъ собаку, чтобы та выдала ему человѣческое тѣло, собака на отрубъ отказалась; наконецъ Шайтанъ началъ просить собаку, чтобы она позволила ему подойти къ тѣлу хотя на такое разстояніе, съ котораго онъ могъ бы плюнуть на это тѣло, чтобы сорвать свою досаду, но собака долго не соглашалась и на это. Тогда Шайтанъ произвелъ морозъ на землѣ, рассчитывая прогнать имъ собаку, но хотя той и стало очень холодно, однако она все-таки не отходила отъ тѣла человѣка. Шайтанъ снова началъ уговаривать ее, обѣщаясь дать ей теплую шубу, которая всегда будетъ защищать ее отъ сильныхъ холодовъ зимою и отъ сильныхъ жаровъ лѣтомъ и наконецъ собака прельстилась этими обѣщаніями. Подумавъ про себя, что землѣ ничего не сдѣлается, если на нее и плюнуть, она позволила Шайтану оплевать человѣческое тѣло. Шайтанъ оплевалъ его, покрылъ собаку шерстью и ушелъ. А такъ какъ слюна Шайтана отвратительна и не могла быть уже ни чѣмъ отмыта; поэтому Инмаръ, вернувшись и увидѣвъ, что сдѣлалъ Шайтанъ, не захотѣлъ оставить въ такомъ видѣ наружность человѣка, не захотѣлъ также почему-то и созидать другое тѣло, а взялъ статую и вывернулъ всю ее на изнанку. Вслѣдствіе этого теперь внутри человѣка и находится всякая нечистота, а такъ какъ слюна Шайтана постоянно

растетъ, то излишество ея и выходить наружу въ формѣ разнаго рода изверженій.

Люмская волость.

2. Вѣкъ Кылдысина.

Въ старинные годы Кыдысинъ жилъ между людьми на землѣ, въ такой же квалѣ, и съ виду не отличаясь отъ людей ничѣмъ, кромѣ своего высокаго роста. Съ длинными сѣдыми волосами, въ бѣлой длинной же одеждѣ, въ видѣ высокаго старика, съ постоянно веселою улыбкою на губахъ, ходилъ Кыдысинъ по полямъ, которыя воздѣлывались вотьями, одѣтыми въ такіи же бѣлыи одежды, въ которыхъ онъ былъ одѣтъ и самъ. Любимымъ мѣстомъ его прогулокъ были межи между земельными участками, а такъ какъ тогда людей было не много, то у каждаго земельные участки были очень велики, а не рѣдко и цѣлая деревня имѣла участки общіе, поэтому межи между надѣлами были длинны и шпроки. Прохаживаясь по этимъ межамъ, Кыдысинъ осторожно обходилъ всѣ хлѣбные колоски, которые здѣсь случайно выростали, а когда видѣлъ, что колосья упали отъ дождя или отъ тяжести собственнаго зерна на землю, поднималъ ихъ своими руками и осторожно расправлялъ ихъ. При такой вѣжной заботливости Кыдысина, земля постоянно давала роскошные урожаи и люди были постоянно веселы, такъ какъ у нихъ всего было вдоволь. Но съ теченіемъ времени число вотьяковъ умножилось, а при этомъ между ними развилась завистливость: начались земельные раздѣлы да передѣлы, и земля распалась на множество мелкихъ участковъ, межи между которыми становились съ каждымъ годомъ все уже и уже, такъ что Кыдысинъ наконецъ пересталъ имѣть возможность гулять попрежнему, потому что теперь ему на каждомъ шагу по-межѣ попадались подъ ноги колосья. Свой бѣлый костюмъ вотяки также измѣняли, начавъ окрашивать свои ткани въ сине-фіолетовую (*бусыр*) краску. Тогда, разгнѣвавшись на людей, Кыдысинъ ушелъ изъ среды ихъ, лишивъ землю ея прежняго плодородія, а людей—ихъ прежняго благосостоянія и радости.

Поломская волость.

3. Воплощеніе Кыдысина.

Ко всѣмъ народамъ уже приходили съ неба разные боги

(къ русскимъ—Иисусъ Христосъ, къ татарамъ—Магометъ); а вотяки, хотя и усердно молились своимъ богамъ, не могли однако дозваться къ себѣ Кылдысина, который давно когда-то жилъ на землѣ, но потомъ отсюда ушелъ. Между тѣмъ они слышали отъ стариковъ, что когда Кылдысинъ жилъ на землѣ, тогда и урожаи были несравненно обильнѣе, и охота за звѣрями и птицами была удачнѣе, такъ что вообще людямъ жилось гораздо лучше, нежели теперь. И вотъ одинъ разъ вотяки, собравшись на моление на высокомъ берегу рѣки подъ большой, старой березой, всей деревней, гдѣ были и земледѣльцы, и охотники, порѣшили не расходиться до того времени, пока не призвуть Кылдысина вновь на землю.

Много жертвъ принесли они здѣсь; много дней и ночей молились они напролетъ, пока Кылдысинъ, наконецъ смилостивившійся надъ ними, не спросилъ: «что имъ надо»? Вотяки отвѣчали ему, что они просятъ его снова сойти на землю и пожить здѣсь, какъ онъ жилъ при ихъ предкахъ. «Не могу я сойти къ вамъ», отвѣчалъ имъ Кылдысинъ, «потому что разъ далъ обѣщаніе никогда не жить на землѣ и не властенъ теперь измѣнить этому обѣту». Тогда вотяки стали умаливать его, чтобы онъ явился къ нимъ хотя бы на самое короткое время, рассчитывая, что они потомъ и силой заставятъ Кылдысина пожить подолѣе, лишь бы только онъ явился между ними. Противъ этого Кылдысинъ возразилъ, что и ненадолго онъ не можетъ явиться передъ глазами людей, такъ какъ наружный видъ его сдѣлался настолько страшенъ, что люди, увидя его, умрутъ со страха. Въ отвѣтъ на это, вотяки начали упрашивать Кылдысина, чтобы онъ явился имъ не въ своемъ видѣ, а въ видѣ какого-нибудь животного: бѣлки или рябчика и т. п. Такую форму для явленія вотяки указывали не безъ расчета: привыкнувъ охотиться именно за этими животными, они рассчитывали легче захватить Кылдысина въ привычной формѣ своей добычи, нежели въ какой-либо другой.

Не зналъ ли Кылдысинъ объ умыслахъ вотяковъ, или и зналъ, но зналъ и то, что все ихъ ковы будутъ напрасны, какъ бы то ни было, онъ согласился исполнить горячее моление своихъ поклонниковъ и на вершинѣ березы, подлѣ которой совершалось моление, вдругъ явилась очень красивая бѣлка въ красной (лѣтней) шкурѣ. Стоявшіе около дерева вотяки-охотники

думали не долго: они сейчас же прицѣлились и выстрѣлили изъ своихъ луковъ такъ удачно, что бѣлка, убитая наповаль, покатила по вѣтвямъ березы на землю; но еще не коснулась послѣдней, какъ на землю полетѣла одна бѣличья шкурка, а сама бѣлка обратилась въ рыбчика, который и потянулъ черезъ поле къ лѣсу. Снова подняли свои луки опытные лѣсовальщики и снова ихъ мѣткія стрѣлы нанесли смертельный ударъ: мертвымъ упалъ рыбчикъ на землю, но, при первомъ соприкосновеніи съ послѣдней, вспорхнулъ тетеревомъ, который быстрыми взмахами крыльевъ полетѣлъ черезъ рѣку, чтобы спастись отъ охотниковъ. Но отъ молодцовъ-стрѣлковъ улетѣть не легко: луки снова натянулись, съ визгомъ помчались стрѣлы, и бездыханнымъ падаетъ тетеревъ на воду, гдѣ сейчасъ же превращается уже не въ птицу и не въ звѣря изъ опасенія новыхъ ловкихъ выстрѣловъ, но въ рыбу—окуня, который по самому дну рѣки убѣгаетъ въ невѣдомое пространство: по словамъ однихъ, на небо, а по словамъ другихъ—въ подземные чертоги.

Ключевская волость.

4. Любимецъ Квazia.

Когда-то въ старыя годы жилъ въ одномъ селеніи вотякъ, который съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ не пропускалъ ни одного моленья, но всегда шелъ своевременно въ лѣсъ и приносилъ съ собою съ избыткомъ то, что ему нужно было приносить для жертвы. За это всѣ боги его очень любили, но больше всѣхъ почему-то любилъ его *Квазь*.

Въ одно лѣто стояла въ той странѣ страшная жара и засуха, и что старики ни дѣлали, а дождь все не шелъ. Тогда этотъ вотякъ рѣшилъ попросить у самого *Квazia* немного дождя на свои полосы. Взялъ онъ изъ дома гуся да утку и, придя подъ вечеръ въ лѣсъ, принесъ тамъ какъ слѣдуетъ жертву *Квазю*, горячо помолился ему, слѣлъ птицъ и сейчасъ же на мѣстѣ жертвоприношенія залегъ спать. Ночью во снѣ является ему *Квазь*, будить его и говоритъ: «встань, мой любезный (яратоно)! не печалься ни о чемъ! твои полосы будутъ орошены дождемъ». Всталъ вотякъ, пошелъ домой; и дѣйствительно, въ то же утро дождь полилъ всѣ близкія къ деревнѣ полосы вотика, но *Квазь* позабылъ, какія именно полосы принадлежать мужику въ дальнихъ поляхъ, и потому, явившись мужику опять во снѣ, прика-

залъ; чтобы тотъ пришелъ въ лѣсъ снова и указалъ, какіе именно участки земли принадлежать ему и дали отъ селенія. Между тѣмъ мужикъ уже жалѣлъ, что только одинъ его полосы поливаются дождемъ, а у родныхъ его дожди не бываетъ, и проснувшись, рѣшился молить *Квазя* и о полосахъ своихъ родственниковъ. Взявъ съ собою 2-хъ гусей и 2-хъ утокъ, ояъ въ ночи опять пошелъ въ лѣсъ, принесъ тамъ жертву, помолился, перечислявъ въ молитвѣ не только свои полосы, но и полосы своихъ родныхъ, и опять легъ спать на мѣстѣ жертвоприношенія. *Квазь* опять на зарѣ разбудилъ мужика и общался исполнить его просьбу, а утромъ дождь полилъ всѣ, указанныя вотькомъ въ молитвѣ полосы. Тогда вотьку стало жалъ и сосѣдей, и онъ, ободренный двукратной удачей, опять пошелъ въ лѣсъ, принесъ *Квазю* еще больше гусей и утокъ, но, не смѣя прямо просить за чужихъ, сказалъ богу, что тотъ полилъ еще не всѣ полосы, а чтобы опять не вышло ошибки, просилъ *Квазя* полить весь участокъ земли, принадлежащій деревнѣ. *Квазь* 'понялъ его хитрость, но ему понравилось доброе чувство, и дождь полилъ полосы всѣхъ сосѣдей благочестиваго мужика, такъ что не только одна семья, но и цѣлая деревня избавилась отъ засухи только потому, что одинъ изъ среды умѣлъ угодить богу *Квазю*.

Юмская волость.

б) Легенды о богатыряхъ.

5. Легенда Чортова городища (въ селѣ Балезинѣ).

Въ старинные годы, когда русскіе еще не пришли въ эту сторону, вотьки были покорны своимъ князьямъ, и русскимъ трудно было ихъ покорить. Поэтому хитрые русскіе придумали, явились въ эту сторону купцами, сначала поссорить народъ съ князьями. Такъ было и въ *Узя* (воршудное названіе рода, служащее и понынѣ у вотьковъ для обозначенія села Балезина). Здѣсь на горѣ, окруженной рѣчками и непроходимыми болотами, жилъ со своими приближенными какой-то *кнѣзь (эксай)*, собиравшій весьма строго подати съ окрестныхъ селеній, но за это храбро предводительствовавшій тогда, когда на страну нападали непріатели. Самъ князь, а также и его приближенные, были богатыри, т. е. люди необыкновенно большаго роста и необыкновенно большой силы. Кромѣ того князь этотъ имѣлъ спо-

способность предвидѣнія и волхвованія: его цѣльзю было ниваеъ лишить жизни иначе, какъ только утопивъ его въ водѣ. Подговариваемые русскими, вотяки наконецъ разсердились на жестокость поборовъ, чинимыхъ княземъ и его свитой, и рѣшились убить ихъ и завладѣть ихъ вѣрностью («Каръ») тѣмъ болѣе, что они много слыхали о богатствахъ, хранившихся въ подземельныхъ княжескаго жилища, и очень хотѣли ими воспользоваться, такъ какъ за послѣднее время стали бѣднѣть. Сговорившись между собою на тайныхъ сходкахъ, разъ ночью они подступили къ городу князя, зажгли жилища, и послѣ долгой, упорной сѣчи схватили самого князя и утопили его въ сосѣдней болотинѣ. Но когда еще только наступала опасность, князь уже успѣлъ наложить зарокъ на тѣ богатства, которыя были скоплены въ его подземельныхъ, и какой это былъ зарокъ, никому до сихъ поръ неизвѣстно. Когда же его топили, тогда онъ предсказалъ, что не пройдетъ 50-ти лѣтъ, какъ придетъ въ эти мѣста другой народъ, который навсегда покорить себѣ всѣхъ вотиковъ.

Балезинская волость.

6. Легенды о богатыряхъ Дондинскаго круга.

Въ давно прошедшіе годы на «Сордырь» откуда-то пришелъ жить богатырь-вотякъ, по имени *Донды*, прибывшій сюда съ двумя сыновьями: *Идна* и *Гурья*. На Сордырь семьи Донды умножилась рожденіемъ ему еще нѣсколькихъ сыновей, между которыми можно указать *Весья* и *Зуй*. Сыновья эти подрастали, женились и наконецъ имъ стало уже тѣсно жить на одномъ мѣстѣ; тогда *Донды* пошелъ съ младшими сыновьями вверхъ по небольшой рѣчкѣ (съ тѣхъ поръ носящей его имя) и, верстахъ въ пятнадцати къ СЗ., основалъ новую свою резиденцію, которая получила имя *Донды-каръ*. *Идна* остался на отцовомъ пепелищѣ, а *Гурья* поднялся вверхъ по рѣкѣ. Здѣсь всякій изъ нихъ сдѣлался владѣтельнымъ княземъ, но жизнь свою повели они разнo: *Гурья* занялся главнымъ образомъ земледѣльемъ, *Идна*—охотою, а *Донды*—частью земледѣльемъ, а главное промышленностью и торговлею. На новомъ мѣстѣ *Донды* жилъ много лѣтъ. За одного изъ своихъ сыновей взялъ онъ умную и красивую дѣвицу *Эбу*, и настолько полюбилъ свою молодую сноху, что сыновья заподозрили даже его въ противузаконной связи съ нею и, не изслѣдовавъ хорошенько дѣла, поссорились со стари-

вомъ отцомъ и ушли отъ него всѣ въ разныя стороны, гдѣ и основали новыя города, крѣпости, на высокихъ угоряхъ, не вдалекѣ отъ какой-нибудь рѣки или рѣчки. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они не находили горъ, чтобы построить *карь* или крѣпость, тамъ они хватали рукою за пригорокъ, вытягивали его кверху до величины горы, и на этой горѣ поселялись со своими товарищами, такими же богатырями, какъ и сами князья. Они проводили свое время въ занятіяхъ охотой, земледѣліемъ и промыслами, и нерѣдко ссорились съ сосѣдними богатырями, сражаясь съ ними перебрасываніемъ на сосѣднее городище цѣлыхъ бревенъ или большихъ желѣзныхъ гирь. Такъ, Гурьякарскіе богатыри перекидывались съ Весьякарскими богатырями бревнами, а съ Базезинскими 40 пуд. гири. Иднакарскіе богатыри кидали гири въ нѣсколько десятковъ пудовъ въ Сепичькарскихъ богатырей, а богатыри Селтакарскіе въ свою очередь кидали бревна въ Иднакарскихъ богатырей, съ которыми у нихъ почему-то вражда бывала особенно часто.

Версть на 8 ниже Идна-кара по Чепцѣ, въ особомъ городѣ жили также богатыри (по всей вѣроятности принадлежавшіе къ дружинѣ Донды). Эти богатыри разъ поспорили съ богатырями Идна-карскими, что у нихъ и силы больше, и луи лучше, чѣмъ у Идна-карскихъ, и что поэтому они стрѣляютъ дальше, чѣмъ послѣдніе. А въ то время Идна-карскимъ богатырямъ принадлежалъ земельный участокъ немного ниже по теченію Чепцы, рядомъ съ земельными участками Дондинскихъ богатырей. И побились богатыри между собою о закладъ на это мѣсто такъ: если Идна-карскіе богатыри выстрѣлятъ дальше, то Дондинскіе уступятъ имъ свой городъ и уйдутъ на другое мѣсто; а если они выстрѣлятъ дальше Идна-карскихъ, то Идна-карскіе навѣки уступаютъ даромъ имъ свой земельный участокъ. Въ назначенный день богатыри стрѣльнули каждый съ своей горы по направленію къ горѣ соперниковъ, но стрѣлы Идна-карскихъ богатырей долетѣли только до половины разстоянія между горами, воткнувшись впрочемъ здѣсь въ землю такъ сильно, что обрѣзвался пригорокъ (нынѣ называемый *«Вишвая горка»*). Богатыри же Дондинскіе выстрѣляли такъ удачно, что всѣ стрѣлы ихъ попали въ сосны, росшія у Идна-карскихъ стѣнъ. Такимъ образомъ закладъ былъ выигранъ ими, и землю, полученную ими отъ

Идна-карцевъ, они назвали «Утэмъ» (что значить: *выигранный*) и основали здѣсь новый «каръ».

На другой сторонѣ рѣки, за Чепцою, владѣнія *Идны* граничили съ *Селта-каромъ* и въ деревнѣ Верхне-Парзипской, Ключевской волости, одна возвышенность до сего времени носить названіе «*Идна-каръ дзэзи*» — т. е. *Иднакарскія ворота*. Зимой Селта-карскіе богатыри надѣвали на ноги серебряныя лыжи для посѣщенія богатырей «Каръ-пла» у деревни Карыльской, причемъ лыжи эти были такъ устроены, что они въ одинъ мигъ пробѣгали пространство верстъ до 20, заключающееся между этими 2-ми городищами.

У *Донды* было 2 главныхъ мѣста поселенія: *Донды-каръ* и *Донды-муртъ*, верстахъ въ 6-ти одно отъ другаго, и окрестныя *сedenія платили* ему дань, отчасти произведеніями, а отчасти работою. До сего времени указываютъ близъ Донды-кара слѣды старой дороги отъ Донды-кара къ деревнѣ *Клятуртъ*, жители которой будто бы ежедневно ходили къ *Дондѣ* работать на его поляхъ. *Донды* обыкновенно разѣзжалъ на сивой лошади, чрезвычайно быстрой, сильной и легкой, которая могла перескочить черезъ всякую рѣку, не нуждаясь въ мостахъ, и дожилъ до глубокой старости, когда его зарѣзали клеветы снохи его *Эби*. Но едва только *Донды* испустилъ послѣдній вздохъ, какъ былъ *Инмаромъ* превращенъ въ бѣлаго лебедя, и въ этомъ образѣ до настоящаго времени покровительствуетъ всѣмъ вотякамъ, которые не забываютъ его помянуть.

О судьбѣ *Гурья*, *Весы* и разныхъ другихъ сыноней *Донды*, а также и объ ихъ смерти ничего нельзя сказать; извѣстна только судьба *Идны* и *Эби*. *Идна*, не смотря на свой княжескій санъ, жилъ очень просто, съ одною бабою, въ простой квалѣ, и ежедневно ходилъ на охоту, при чемъ зимою отличался отъ прочихъ охотниковъ тѣмъ, что надѣвалъ не деревянныя, а золотыя лыжи. Когда онъ дожилъ до преклоннаго возраста, онъ впередъ *узналъ*, что скоро придутъ русскіе и, желая увѣковѣчить свои ями, произнесъ заклипаніе: взялъ самый большой свой лукъ, четыре раза натягивалъ его какъ можно туже и выпустилъ 4 стрѣлы на четыре стороны свѣта, сказавъ при этомъ: «*чнутъ илмя мос будетъ вѣчно извѣстно и пользуется уваженіемъ внутри того мѣста, которое я обстрѣлялъ своими стрѣлами!*» *Идна* дожилъ до появленія русскихъ въ край и, какъ князь своего народа,

долго велъ съ ними борьбу, скрываясь послѣ неудачныхъ битвъ въ своемъ городѣ (Идна-карѣ), построенномъ на высокой возвышенности при впаденіи въ Чепцу рѣки Пызена. Кромѣ этого города у него были и другіе города, и онъ часто и безъ всякаго страха переѣзжалъ изъ одного города въ другой, благодаря своимъ 3-мъ лошадямъ: саврасой, вороной и пѣгой. Эти лошади были такъ сильны, что могли пробѣгать въ одну упряжку до 200 верстъ безъ корма, и русскимъ очень долго не удавалось его схватить. Но разъ русскіе, узнавъ, по какой дорогѣ долженъ ѣхать *Идна*, подпилили бревна, на которыхъ держался мостъ черезъ одну рѣку, а сами сѣли засадой въ кустахъ по берегу этой рѣки. *Идна*, дѣйствительно, вскорѣ прискакалъ къ этому мосту на вороной лошади, но, подъѣзжая къ мосту, лошадь почуяла вражескій запахъ, поняла грозившую *Иднѣ* опасность и ни за что не захотѣла идти на мостъ. *Идна* долго бился съ нею, потомъ пересѣлъ на саврасую лошадь, но и та также отказалась идти. Тогда *Идна* пересѣлъ на пѣгую лошадь, и эта лошадь, не имѣя чутъя своихъ подругъ, безпрекословно помчала его черезъ мостъ, который разрушился прежде, чѣмъ *Идна* успѣлъ доскакать до середины. Схватили ли *Идну* русскіе, или онъ утонулъ въ рѣкѣ, неизвѣстно, но этотъ случай далъ воякамъ поводъ составить пословицу (посыпѣ ими употребляемую), что «пѣгая лошадь можетъ считаться лошадью только при неимѣніи другихъ лошадей» ¹⁾.

Сноха *Донды*, *Эби*, жившая сначала, послѣ семейнаго разлада, при *Дондѣ*, черезъ приближенныхъ лицъ убила своего мужа, мсти ему за позорное обвиненіе въ кровосмѣшеніи со свекромъ, и *Донды*, узнавъ объ этомъ, прогналъ ее отъ себя. Тогда она со своими приближенными основала *Эби-каръ*, вѣроятно на границѣ тогдашнихъ владѣній *Донды*; но и послѣ этого она сохранила, повидному, нѣкоторые сношенія со своимъ свекромъ, такъ какъ, когда черезъ нѣсколько лѣтъ ея вдовой жизни, она, неизвѣстно отъ кого, родила сына, то именно дѣдъ, *Донды*, былъ призванъ дать новорожденному имя. Къ крайнему гнѣву *Эби*, *Донды* называлъ своего незаконнаго внука: «*Чибинъ*» (что по восточн. собственн. значить: «*комаръ*», но въ переносномъ смыслѣ можетъ значить: «ничтожный человекъ, человекъ, не заслуживающій

¹⁾ Пѣгой валъ валтэмлэсь валъ.

вающий уваженія) и, давъ ему въ удѣлъ участокъ земли, подальше отъ своего города и даже вдали отъ города его матери (гдѣ и возникъ *Чибинь-каръ*). Возмущенная ли этимъ именемъ, или почему-либо другому, *Эба*, черезъ своихъ влєвретовъ, зарѣзала старика своего свєкра, но тотъ, умирая, успѣлъ ее проклясть, присудивъ ей, чтобы она, послѣ своей смерти, вѣчно жила въ сырыхъ и темныхъ подземельяхъ *Эбга-кара*, выходя оттуда только одинъ разъ въ годъ. Сама *Эба* въ концѣ концовъ была утоплена въ *Чепцѣ* кѣмъ-то (по всей вѣроятности, мстителями за смерть *Донды*), но, согласно съ проклятіемъ *Донды*, продолжаетъ жить и до сихъ поръ въ *Эбга-карской* горѣ, только разъ въ годъ ¹⁾ выходя оттуда на старую вѣтвистую елку въ одномъ бѣлѣ, которое здѣсь она и просушиваетъ отъ сырости. О судьбѣ *Чибиня* и о другихъ богатыряхъ этого круга неизвѣстно ничего.

в) Легенды о началѣ вещей.

7. Легенда о происхожденіи различія въ религіозныхъ обрядахъ русскихъ, татаръ и вотяковъ.

Въ прежніе годы, когда-то давно, у русскихъ, у татаръ и у вотяковъ была одинаково своя грамотность, вѣры ихъ были въ одинаковомъ почетѣ, да и молитвы ихъ совершались одинаково, хотя они и разнo пазывали своего бога. Въ это-то время, въ одинъ изъ холодныхъ осеннихъ вечеровъ, сошлись гдѣ-то на полѣ 3 жреца-родоначальника: русскій, татаринъ и вотякъ, изъ которыхъ каждый былъ одѣтъ въ свой національный костюмъ. Долго ли, коротко ли они разговаривали между собою, какъ вдругъ начали спорить: какая вѣра должна считаться старшей на землѣ, т. е. какаѣ вѣра справедливѣе? и порѣшили, разложивъ для защиты отъ ночнаго холода большой костеръ, встать всѣмъ тремъ сейчасъ же вокругъ этого костра и начать молиться каждому по своей книгѣ и кто дольше всѣхъ промолится, того и вѣра правильнѣе! Приступая къ молитвѣ, всѣ три жреца сначала было сняли съ себя шапки, и такъ какъ у татарина подъ шапкою была на головѣ надѣта ермолка, которую онъ на головѣ и оставилъ; а у русскаго голова заросла густыми длинными волосами, между тѣмъ какъ у вотика волосы были рѣдки,

¹⁾ Неизвѣстно, когда именно.